

Мы получили письмо, авторъ котораго рассказываетъ слѣдующій случай, встрѣченный имъ на откосѣ.

Прогуливаясь ночью, въ 3-мъ часу, онъ забрелъ на откосъ и спустился на среднюю часть его.

Въ саду въ этотъ поздній часъ никого не было, все было тихо; но вдругъ онъ услышалъ еще ниже по откосу плачь и стоны.

Отправившись туда, онъ нашелъ дѣвушку лѣтъ 18-ти, руки и ноги которой оказались связаны шелковымъ поясомъ, разрѣзаннымъ надвое.

По ея словамъ, связалъ ее такъ ея любовникъ, который за что-то на нее разсердился.

Когда авторъ письма хотѣлъ заявить о происшествіи въ полицію, дѣвушка стала умолять его не дѣлать этого, потому что она будто бы живетъ на мѣстѣ горничной и можетъ потерять его.

Возможно, что эта дѣвушка о своей профессіи говорила правду, во еще вѣроятно, что глала, что связана она была въ наказаніе за что-либо своимъ сутенеромъ, которые въ просторѣчьи называются у насъ „котами“.

Этотъ типъ въ нашей литературѣ, гдѣ такъ много описывалось разныхъ типовъ со „дна“, почти еще не описанъ—даже и въ произведеніяхъ М. Горькаго.

Обыкновенно съ дѣвушкой, занимающейся печальнымъ промысломъ, знакомится какой-либо рабочій, сначала, быть можетъ, и безъ цѣли сдѣлаться „котомъ“, какъ рабочій въ повѣсти „Трое“, но затѣмъ, подъ вліяніемъ своей печальной связи, опускается, перестаетъ работать и живетъ уже только на средства этой дѣвушки.

Последней, отвергаемой обществомъ, униженной въ собственныхъ глазахъ, сначала пріятно, что есть человѣкъ, который отъ нея зависитъ, которому она помогаетъ. Но человѣкъ этотъ становится все требовательнѣе, грубѣе, пока эта связь не превращается для дѣвушки въ ужасное рабство, поддерживаемое насиліемъ и страхомъ.

Такая дѣвушка уже и подумать боится оставить сутенера, потому что онъ, по ея мнѣнію, на все способенъ, такъ какъ терять ему нечего. И въ самомъ дѣлѣ, терять нечего, когда потеряна совѣсть.

За равныя провинности, за недостаточное повиновеніе, сутенеръ для острастки наказываетъ свою подругу:—или угрозами, или побоями, или какимъ-либо дѣвѣ поступкомъ, на какой, напр., набрелъ авторъ письма, присланнаго намъ.

Въ *Русе*. Слово мы встрѣтили краткій отчетъ объ убійствѣ, въ которомъ обвинялся подобный сутенеръ, убившій дѣвушку за то только, что она воспротивилась, когда онъ хотѣлъ заложить ее шаль, чтобы купить водки.

И въ немъ, конечно, не столько говорило желаніе выпить, какъ ярость на то, что порабощенная имъ осмѣлилась ему противиться, негодовала оскорбленная власть. Притомъ онъ такъ часто повторялъ, что ему терять нечего, что, наконецъ, захотѣлъ доказать это.

Да, „дно“ создаетъ удивительные нравы, удивительныя связи и такия глубины паденія, о какихъ философамъ и не снилось.